

ГОЛЯКОВ А. Н.

**ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН К. Г. АБРАМОВА «СТЕПАН ЭРЗЯ»:
ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ**

Аннотация. Предпринимается попытка осмысления художественных приемов и методов при констатации национального своеобразия хронологии и места действия в романе-трилогии К. Г. Абрамова «Степан Эрзя». Сквозь призму национальных представлений о природе, самобытности мордовского народа исследуются социальные коллизии, отображенные в данном произведении. В статье представлен обширный эмпирический материал.

Ключевые слова: аллюзия, атмосфера, жанр, лирика, нация, персонаж, полифония, природа, самобытность, трилогия, художественность.

GOLYAKOV A. N.

**HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL NOVEL "STEPAN ERZYA" BY K. G. ABRAMOV:
PROBLEMS OF NATIONAL IDENTITY**

Abstract. The article attempts at scholarly understanding of the literary techniques and methods of national identity used in the trilogy of novels "Stepan Erzya" by K. G. Abramov. Considering the ethnic Mordvinian ideas about nature and national identity of Mordvinian people, the author studies the social conflicts that appear in the trilogy of novels. The article presents extensive empirical data confirming the validity of the conclusion.

Keywords: allusion, atmosphere, genre, lyrics, ethnos, character, polyphony, nature, identity, trilogy, artistry.

Говоря о творчестве писателей Мордовии, С. В. Шеянова подчеркивает мысль о том, что «мордовский роман глубоко национален». Одними из составляющих его эстетическое целое являются, по ее мнению, ценности материальной и духовной культуры, в трансформированной форме интегрирующие в романский нарратив, которые, по мнению исследователя, создают национально-эстетический колорит эпического пространства, раскрывают «философию» этноса, становятся художественным средством стилизации текста и конструктивным способом организации сюжетно-композиционной системы, выражают национальное в тесной взаимосвязи с индивидуальным и общечеловеческим [2, с. 87].

Роман К. Г. Абрамова «Степан Эрзя», посвященный великому скульптору, – новаторское произведение мордовской литературы с точки зрения «человеческого» и событийного материала. Героями его являются подлинные лица, реальные люди, выступающие под собственными именами и фамилиями. Главное в романе – личность

скульптора Эрзы, становление и развитие его как человека и как художника. Эрзя – идейный и композиционный центр романа, к нему стягиваются все событийные и сюжетные линии, все с ним соотнесено: семья, друзья, земляки, события, другие художники, скульпторы и даже исторические личности. Одним из важнейших средств облика Эрзы в трилогии стало глубокое продуманное воссоздание социального, нравственного и бытового фона времени, в котором жил скульптор. Изображая жизнь Эрзы как историю человека, составившего одну из самых ярких страниц национальной культуры, К. Абрамов понимал, что образы таких людей, каким был Эрзя, в силу своей общенациональной и общечеловеческой значимости не могут рассматриваться вне духовного и нравственного опыта народа, его породившего, и вне широких общечеловеческих его связей с миром, что в Эрзе, в его нравственно-психологической и художественной сущности многое можно увидеть, если учитывать обусловленность развития его таланта в связях с национальной духовностью и культурой народа в целом.

Описывая родной край, К. Абрамов лиричен, эмоционален, тонок: «В утреннем бледном свете снег казался почти синим, словно разбавленное водой молоко. В стороне города занималась утренняя заря. Нижние кромки белых облаков были слегка подкрашены бледно-лиловыми отсветами. ...От ночного заморозка по краям тропы снег затвердел, а на тропе образовался ледок, резко выделявшийся на ровной белизне конопляника... [1, с. 138-139]. Таким образом, уже первая экспозиционная глава романа «Сын эрзянский» – прекрасная реалистическая новелла о мордве, о территории ее проживания, о местности, быте, нравах, семейном, социально-экономическом укладе, традициях и нравах, истории. Все эти и многие другие реалии национальной жизни с первых страниц свободно и густо входят в роман. И заслуга К. Абрамова как художественного биографа Эрзы состоит, прежде всего, в том, что мир души и мир творчества скульптора автор пытается понять и осмыслить через понятие «родины» Эрзы, через эрзянское село Баево, где он родился, впервые полюбил, сделал свои первые наброски угольком на потолке. Родина для писателя – это и лес, и речка через овраг, и ветла, посредством которых ощущается старинное, с резными наличниками на избах эрзянское село Баево, где родился герой, увидел первые лица людей, услышал мордовскую речь. Писатель вводит, втягивает читателей в неторопливый, размеренный ритм небольшого эрзянского села, посвящает в труды и заботы простой крестьянской семьи, в непритязательных бытовых сценах дает почувствовать читателю неповторимый колорит национальной жизни, намечает типы национального характера мордовского народа. Мир Эрзы, в интерпретации автора, это и богатейшее песенное, сказочное и прикладное искусство мордвы, стихия которого пульсирует в каждой скульптуре Эрзы: это формировали и алатырские, и присурские леса, и своенравная лесная речушка Бездна, в живописной излучине которой в

поисках лучшей доли поселилась семья Нефедовых после ухода из родного Баева. В романе на социально-бытовом национальном материале, воссоздающем яркие картины народного быта, нравов эстетического и нравственного мира людей мордовской деревни, перед читателем вырисовывается та художественная основа народной жизни, которая взрастила корни таланта Эрзи как художника.

Стилистически К. Абрамов наглядно подчеркивает атмосферу нелёгкой участи мордовских крестьян, живших под гнетом царского самодержавия; вводит читателя в тот период времени: «Небо на востоке синевато-бледное, словно застиранное. Где-то за плотным слоем облаков восходит солнце. Его мутный, жидкий свет понемногу стал рассеиваться по мокрым полям. Всю ночь беспрестанно лил дождь. Он идет и сейчас, мелкий, словно сквозь тонкое сито. На полях несжатая рожь побурела и полегла. Да, и сжатая в скирдах и крестцах, тоже мокнет. Посреди полей – небольшое село. Его маленькие бревенчатые избы со стороны кажутся взъерошенными ветром копнами старой соломы. Перед избами – корявые ветлы. Если бы не эти ветлы, можно было бы подумать, что нет никакого села, а раскинулись одни лишь поля...» [1, с. 6]. В данном контексте хорошо проглядывается мастерский прием художественной аллюзии, при котором автор как бы использует намёк на хорошо известные факты о жизни мордвы, хотя и не конкретизирует их.

Автор скрупулезно, специфически описывает родное село великого скульптора. Так, говоря о месте, где родился главный герой, К. Абрамов поясняет: «Всего одна улица в два порядка домов растянулась по склону большого оврага, <...> На дне которого поблескивает светлый ручеек Перьгалей. <...> Видать, не от добра когда-то осели здесь, у сухого оврага, эрзяне». Место у широкой заливной поймы заняли богатые помещики, «эрзян же загнали в сухой дол, где нет ни леса, ни травы» [1, с. 6].

Говоря об этимологическом происхождении названия родного села С. Нефедова – Баева, писатель, рассуждая, поясняет: «... Эрзяне не помнят, почему их село называется Баево, «может, от эрзянского слова «буй». Есть много эрзянских селений, в названиях которых «буй» является частицей, определяющей принадлежность места: Ордань-буй, Куляз-буй, Тараз-буй. Могло случиться так, что само название выпало, а частица сохранилась, Живущие вокруг русские эту часть названия переименовали по-своему: бай. Потом и сами эрзяне стали произносить Баево. А может, все было не так. Ведь по среднему течению Волги и по Суре живут и эрзяне, и русские, и есть много русских селений с эрзянскими названиями и эрзянских – с русскими» [1, с. 6-7]. Причем, романист не претендует на полную историческую достоверность, он как бы самостоятельно предполагает историко-этимологические ситуации возникновения поселения. Свидетельством данному утверждению являются такие многосоставные понятия, употребляемые писателем, как «может, все было не так», «могло

случиться так», «эрзяне не помнят» и пр. К. Абрамов ориентировался на ту территорию проживания мордвы, которая была зафиксирована в документах, где значится, что Республика Мордовия расположена в центре европейской части России в бассейне реки Волги, на перекрестке важнейших путей из Центра на Урал, в Сибирь, Поволжье, Казахстан и Среднюю Азию. Территория республики 26,2 тыс. кв. км. Протяженность с запада на восток около 280 км (от 42°12" до 46°43" восточной долготы) с севера на юг от 55 до 140 км (от 53°40" до 55°15" северной широты). Она граничит на севере с Нижегородской, на востоке – с Ульяновской, на юге – с Пензенской, на западе – с Рязанской областями и на северо-востоке – с Чувашией.

Национальный колорит романа-трилогии является стержнем произведения, он органически проецируется и на описание природы мордовского края, пейзажей, являющихся в романе внесюжетными элементами, но, тем не менее, играющих важную роль при раскрытии проблем национального своеобразия данного расследования. Природа центральной части России в авторской речи является конкретным образом, с помощью которого писатель-романист как бы иносказательно изображает национальные нюансы отражаемой действительности. Специфика отражения окружающей действительности состоит в том, что писатель не использует приемы вымысла, как это должно быть в художественном произведении, он ограничивается домыслом, который, тем не менее, придает еще большую реалистичность, национальную самобытность произведению. К примеру, когда автор говорит о природе, то, прежде всего, он не любит ее, а вписывает в отображение пейзажей оттенки беспокойства работника, мордвина-крестьянина, человека-хозяйственника, для которого природа – мать, которая кормит, от состояния которой зависит его благосостояние, завтрашний день. Нередко К. Абрамов скуп на краски при описании природы, возможно, это происходит потому, что ничего радостного не происходило с людьми в тот исторический период времени – нищета, серость, убогость, обстановка, в которой жили мордва – все это наглядно продемонстрировано в пейзажах родной природы.

К примеру, описывая место нового проживания семьи Нефедовых, К. Абрамов, географически точно указывая место действия, отмечает: «Берег в этом месте был довольно круто и высокий. Река называлась Бездна. Вода в ней была чистая, хоть дно илистое и вязкое. По ее берегу росли густые кустарники ветлы и ольхи. За рекой темнел старый лес. На опушке стояли толстые, наверное, столетние дубы и липы. По эту сторону реки ... начинается сосновый бор. Вниз по течению Бездны раскинулось поле, усеянное кустарниками и кущами деревьев. Узенькими полосками нераспаханной земли вилось оно между этими кущами, точно разорванные куски материи...» [1, с. 148]. К примеру, с большим участием к персонажам, с нескрываемой скорбью автор описывает ситуацию, связанную со стихией родной природы – половодьем, с горем, которое разбушевавшаяся вода принесла в Дом Нефедовых на реке

Бездна. «По лощине через двор вода несла большие льдины. Они ударились о плетень, раскачивали его, потом, кружась, понемногу уходили в сторону. Над плетнем передний навес развалился, с крыши слетела солома и поплыла большими охапками вниз по течению. Не выдержав напора, вскоре свалился и плетень и стал кружиться в воде, точно огромная льдина» [1, с. 192-193]. Неистово ревела скотина в затопляемом дворе. Марья, «как была, в одной рубахе, без пулая и в лёгком платке» выбежала спасать скотину, рискуя собственной жизнью. К счастью, все обошлось, Марья даже не заболела. Но скот был спасен.

На протяжении всего романа-трилогии, читатель знакомится с разным восприятием природы автором, в разных ее временных периодах. К. Абрамов, обращаясь к пейзажу родного края, описывает все четыре времени года: осень, зиму, лето, весну. Писатель нередко вводит в произведение авторские реплики, посредством которых читатель незримо чувствует природу, слышит, обоняет, «чувствует телом». Как правило, в данных репликах находится место для характеристики не только времени года, но и для описания крестьянского труда. Таким образом, такие категориальные понятия, как «труд крестьян» и «природа» в романе К. Абрамова как бы слиты воедино, они органично взаимопересекаются в одной цельной детерминанте. К примеру, отображая раннюю осеннюю пору, автор акцентирует внимание не только на погоде, растительности, но, подытоживая, говорит о том, что поля в это время года все поля и огороды убраны... «Осень приближалась. Ночи стали по-настоящему холодными. Над Перьгалеи-оврагом до восхода солнца по утрам висел седой туман. Иногда он поднимался вверх, но чаще расстилался по земле и сверкающей росой оседал на листьях и на пожухлых травах. Солнце теперь только чуть пригревало его красноватые лучи, не задерживаясь, скользили по поверхности земли. Трава в поле, на межах и вдоль дороги, потемнела, огрубела, сделалась колючей. Цветков почти не видно, и если где и покажутся, то такие же неказистые, как трава. И лишь пышные кусты татарника с большими лилово-красными цветами, сплошь усеянные острыми колючками, там и здесь горделиво возвышались над потемневшей стерней. ...» [1, с. 29]. Авторскими репликами об окончании летних работ писатель раскрывает свою натуру, которой не чужд, а является родным и до боли знакомым, этот пейзаж и убранные конопляные поля, и сваленный в подпол на зиму картофель. Это совершенно объяснимо, поскольку К. Абрамов является не только очевидцем, но и участником всех крестьянских действ. «Осень была на исходе. В этом году она выдалась на редкость сухая и ветреная, словно все свои дожди природа выветрила ненастным летом. Почти каждую ночь выпадали заморозки, и к утру иней покрывал землю и шершавые стволы, и ветви старых дуплистых ветел. Огороды опустели. Конопля и картофель были убраны. Рабочая страда с полей переместила на гумна. В такую сухую и холодную пору самое время молотить. Над токами с

утра и до вечера висели облака мякинной пыли. Холодная, иссушенная заморозками земля гудела под ударами цепов» [1, с. 32].

Трудно не согласиться с мнением С. В. Шеяновой, которая отмечает, что нередко судьбы героев определяются «бытийными координатами – землей, трудом, природной средой. Основу полнокровной жизни персонажей писатель усматривает в физической и духовной слитности с ними. В этом заключена суть авторской философии, его осмысление триады «человек – труд – природа». Актуализируя данный концепт, ученый продолжает: «... В романном дискурсе проявляется активное, преобразующее окружающий мир трудовое начало, однако живая среда не исчерпывается потребительским подходом к ней. В нарративе наблюдаются ... лирические отступления, фиксирующие природу как одухотворенное существо, отражающие особенности национального анимистического мировосприятия» [2, с. 127]. «Национальное анимистическое» отображение свойственно и следующему, «зимнему» фрагменту, в котором также соединены три «бытийных координата». В отрывке описывается подработка Степана Эрзи на лесных вырубках. Физический труд был органически чужд герою, но ему приходилось много трудиться, как и всем остальным его родственникам. Тем не менее, даже в тяжелый труд «врываються нотки» лиричности, возникшие от слияния с природой: «Работая, он то и дело поднимал голову, поглядывая на заснеженные сосны и ели. Мороз, тишина, бледная, бездонная синь неба! ... Удары топоров раздаются по лесу звонко, гулко, а когда падает тонкая сухостоина, будто кашляет большой сердитый человек...» [1, с. 346].

Писатель не изменяет своей манере, он акцентирует внимание не только на том, что именно природа в разное время года, в разной местности способна прокормить человека, но, прежде всего, автором на первый план выдвигается тема труда мордовского крестьянина, который в течение целого года вынужден работать, чтобы прокормить свою семью. Реализм повествования в данном отрывке достигается эмоциональностью, наличием тропов – метафор, эпитетов, приемов олицетворения.

Таким образом, осмысление реальных исторических условий в творчестве К. Г. Абрамова глубоко и полно представляется сквозь призму национальных воззрений о природе, труде. Ассоциативные составляющие концепта «труд» входят в образную систему писателя и служат раскрытию центральных тем и проблем его произведений, актуализация этого концепта помогает писателю высветить все аспекты эрзянского деревенского бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов К. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Степан Эрзя: Биогр. роман. Кн. 1 и 2 / пер. с морд.-эрзя Г. Максимова, Ю. Галкина. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1999. – 528 с.
2. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика: монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 284 с.